

Антонина ШЕЛЕМОВА,
Фаэзех КАРИМИАН

ОРИЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ХЕРАСКОВА, ИВАНА КРЫЛОВА И АЛЕКСАНДРА РАДИЩЕВА

Резюме

Статья посвящена сравнительному анализу образов восточных правителей и их придворной элиты – из повестей Хераскова *Золотой прут*, Крылова *Каиб* и главы *Спасская Полесть* книги Радищева *Путешествие их Петербурга в Москву* – в аспекте аллегорического использования жанровой формы «восточной повести» как литературно-политической утопии.

Ключевые слова: Восток, правитель, монарх, путешествия, сон, самодержавие.

Summary

The comparative analysis of two images of Eastern rulers and their court elite – in the story *Gold rod* of Chersakow, *Kaib* of Krylov and in the chapter *Spasskaya Polest* of Radishchev's book *Journey from Petersburg to Moscow* presented in the article. The stories are analysed in the aspect of allegorical using of the genre «oriental story» as a literary-political utopia.

Keywords: East, ruler, monarch, travelling, dream, monarchy.

Популярный во II-й половине XVIII века жанр восточной повести пришёл в русскую литературу не с Востока, а, как это не покажется парадоксальным – с Запада, из Франции. Законодателем «моды» на восточную экзотику был Вольтер. Именно он разработал этот жанр для популяризации своих философско-просветительских идей (произведения *Мир как он есть, или Видение Бабука*, 1746; *Задиг. Восточная повесть*, 1747; *Принцесса Вавилонская*, 1768). В письме к Мормантелю (1764) Вольтер призывал:

Вам следовало бы непременно сочинять философские сказки, где вы сможете предать осмеянию кое-каких глупцов и некоторые глупости, некоторые подлости и кое-каких подлецов – всё это с умом, вовремя, подстригая когти зверя тогда, когда застанете его спящим [1, 286].

Значима в процитированном фрагменте письма метафора «зверья», подразумевающая самовластного правителя. Вольтер определяет восточную повесть как жанр сатирический, который одновременно позволяет разрешить актуальные политические и философские проблемы. Просветительские философские повести, начиная с вольтеровских, утверждали культ разума, доказывали необходимость государственных преобразований на началах разума и справедливости.

К подобному типу художественных текстов в русской литературе II-й половины XVIII столетия относятся повести Михаила Хераскова *Золотой прут*, Ивана Крылова *Каиб*. Использовал восточную аллегорию и Александр Радищев в главе *Спаская Полесь*, включенной в книгу *Путешествие из Петербурга в Москву*.

Повесть Хераскова *Золотой прут* (1782 г.) в триаде исследуемых текстов выделяется наибольшей продуктивностью реализации восточных мотивов. В мозаичном переплетении сюжетных коллизий соблюдено присутствие владыки-тирана, мнящего себя идеальным монархом; описание дворцовой роскоши, «услужливых» интриганов-придворных, конъюнктурных поэтов-сочинителей; употреблен мотив сновидения, приём волшебных атрибутов (золотой прут, камень, излучающий свет, чаша с чистой водою, перстень на дне океана).

Доминирующей в произведении является идея просвещённого абсолютизма. Традиционно в восточных повестях главный персонаж – это некий верховный правитель, обозначенный как шах, султан, калиф и пр.; интригу «завязывают» представители «дивана»: обычно это благородный визирь и злонаправленный муфтий. Государь, пресытившись праздной жизнью, отправляется в авантюрное путешествие, дабы узнать правду о своём народе. Все эти персонажи присутствуют в повести. Однако Херасков отступает от устоявшейся традиции: в путешествие вместо шаха он отправляет визиря, оклеветанного муфтием.

Шах Багем крупно представлен лишь в начале повести. Портрет выписан в традиционной манере иронического изображения персонажа. Знатная особа, потомок в третьем поколении Шехерезады, шах Багем *процветал*, в окружении *любящих подданных, мирных соседей, красавицы жены; имел он попугая, с которым в праздные часы беседовал; имел обезьяну, с которой после утренней своей молитвы забавлялся и прыгал Аглинская контрадансы; имел любимого коня, на котором за охотою ездил; имел он друга, которого без сомнения почтил достоинством первого своего Визиря* [2, с. 4–5].

Албекир славился «галаном» плести из прутьиков рогожку, поэтому и стал другом шаха, самое важное и почитаемое занятие которого было вырезать деревянные ложки. Но судьба оказалась немилостивой к султану, наслав на него «слёзы». Супруга потеряла красоту и от отчаяния умерла. Погибли в разных обстоятельствах все его любимцы: попугай, обезьяна, конь. Придворные-завистники во главе с муфтием сговорились лишить шаха Багема последней его улады – дружбы с визирем Албекиром, который, в результате дворцовых козней, был изгнан из страны.

Мастер плетения из прутьиков рогожи, незадачливый визирь Албекир становится главным персонажем повести, который в странствии, попадая в разные дорожные ситуации, в результате из придворного-невежи перерождается в мудрого философа.

«Мудрость» Албекира есть не что иное, как конъюнктура времени и политических взглядов Хераскова. В путешествии изгнанный визирь встречается с неким старцем, *благополучной личностью*, который поведал пилигриму о государстве, где *образ и душа правительства – это равенство без верховной власти* [2, 34].

Старец рассказывает Албекиру о «свободном обществе», в котором он был рождён:

Я не был Султаном, и был в то же время свободным человеком, ибо я рождён в свободном народе, где всякий член государства равен другому члену, и все могут и Государями и подданными называться; каждый отец в своём семействе был и правителем и наставником; законы были нашего подпораю, а не угнетением; право каждого охраняемо было общественною пользою и уважаемо всенародным защищением; личные обиды относились к оскорблению гражданского блага, а преимущества и дарования к частному и кушно ко всеобщему украшению; вот в коротких словах образ и душа нашего правительства. Мы все были равные... [2, 34–35].

Описание родной страны старца как «свободного общества» в *Золотом пруте* перекликается с аллегорическим текстом сатиры Александра Сумарокова *Другой хор ко превратному свету*. Оба писателя изображают некое идеальное государство, используя иносказание в целях изобличения реальной российской самодержавной политики. Херасков, прикрывшись ширмой восточного «флёра», оказался менее критичным, чем Сумароков. Его общественная позиция связана прежде всего с исправлением нравов, моралью. В продолжении рассказа старца о его стране акцентируется именно эта сторона социальной жизни: в счастливом государстве царит любовь и согласие, а не *гонения и слёзы*:

... Дружество соединяло нас, а любовь оживляла: не знали мы ни тяжёб, ни раздоров, ни зависти; ты уже слышал об образе правления нашего – войны мы ни с кем не имели, ибо чужого не желали, а у нас похитить было нечего, потому что ни богаты, ни убоги не были; безопасны, ибо в зависть никого привести не могли; спокойны, ибо лучшие жизни не знали [2, 42–43].

Любопытно отметить, что, слушая рассказ старца, Албекира начало клонить в сон. Без ситуация «засыпания» и последующих сновидений не обходится ни один «восточный» сюжет. Аллегория сна как перехода из мира реального в ирреальный позволяет писателю выразить свою идейную позицию. Самой радикальной эта позиция была у Радищева. Херасков же описал сон своего героя, представив его погружившимся в прекрасную жизнь идеального государства. Сновидение подвигло бывшего визиря возвратиться в Багдад, попытаться добиться прощения султана и моральной проповедью повлиять на его правление. В этой ситуации он рассчитывал на волшебные силы, в частности, помощь золотого прута, который во время путешествия получил от пустынного-мудреца Маготеосфора. Принятый во дворце бывший визирь произносит пламенный монолог, в котором пытается открыть владыке глаза:

Тогда Албекир изобразил пред Калифом ясными чертами всё то, что на пути своём к Багдаду приметил; он живо описал жалостное всех жителей состояние, злодейские поступки грубого и голодного воинства; несправедливость Кадиев; общее роптание; бедность всего народа; и неправду Визирскую; все сие, примолвил он, устрашает восток всеобщим возмущением и... [2, 125].

Пламенную речь Албекира автор прервал значимым многоточием. Шах Багем оказался глухим, подобно как слепым будет представлен владыка в *Сне путешественника* Радищева. Калиф слышал только льстивые речи придворных и нащёптывания своей второй жены, которая, забавы ради, пожелала надеть на голову кающегося визиря шутовской колпак.

Реакция героя соответствует дорадищевскому представлению о «слепоте», как и «глухоте» верховного властителя, доверяющего своим «коварным» царедворцам. Херасков разделял политическую позицию современников – писателей-просветителей:

Возгнушался честный Албекир таким всеобщим распутством,.. возгнушался и возопил: о нечестивые люди! Как гром не поразит вас, как земля вас не поглощает; но Творец вселенныя долготерпелив,.. но правосуден; он когда-нибудь, а может и скоро, по деяниям вашим вас накажет... Но бедный Калиф их не видит, надобно отворить ему глаза, надобно его о всем уведомить; хотя и то бы жизни мне стоило, выведу его из заблуждения [2, 143].

Вольтер сравнивал самодержавный абсолютизм со *зверем*, которому надо *подрезать когти*. Типологически соотнесённый с вольтеровским прием использовал Херасков, описав «зверя-чудовище» в собирательном образе султановых приспешников:

...Многие поставляют себя потому только просвещёнными,.. что пороков не стыдятся; всякое благоучреждение священное и гражданское безделью ставишь,.. но с приобретением желаемого подымается завеса, и чудовище во всей своей мерзости является; вот, Государь какие философы между твоими поданными рождаются [2, 148–149].

Сравнением зверя-самодержавия в образе громадного «чудища» воспользуется впоследствии Радищев. По Хераскову чудовище – это непросвещённость верховного владыки, придворное невежество, возведённое в закон и толкуемое, как причина всякого зла. Обличение в повести распространялось лишь на частные случаи несправедливого правления государя или на вельмож, лукаво потворствующих правителю. И даже если критиковался монарх, то сам самодержавный принцип правления сомнению не подвергался.

Одним из самых значимых обличительных произведений русской литературы XVIII века является повесть *Каиб* (1892 г.) Крылова. По проблематике это произведение перекликается с эпизодом, повествующим о сне путешественника из знаменитой книги Александра Радищева, где также изображены и самодержавный правитель, и его раболепствующие царедворцы. В этих текстах важное место занимает «прозрение» государя, помогающее ему увидеть окружающий мир в его истинном виде. Большинство литературоведов не исключают определенного влияния на произведение Крылова книги Радищева, вышедшей в 1890 году, то есть, всего за пару лет до журнала *Зритель*, в котором был опубликован *Каиб*. Думается, что это предположение не вполне обосновано.

Во-первых, вряд ли книга Радищева была доступна Крылову. Как известно, *Путешествие из Петербурга в Москву* печаталось в домашней типографии писателя. Понимая опасность репрессии, Радищев передал для продажи в Гостиный двор только 25 экземпляров книги. Реакция Екатерины II была гневной: *Тут рассеивание заразы французской: отвращение от начальства,..* – записал в своем дневнике секретарь императрицы Храповицкий. – *Сказывать изволила, что он бунтовщик хуже Пугачева* [3, с. 12]. Накануне ареста Радищев весь тираж уничтожил. Приобрести книгу было фактически невозможно.

Во-вторых, обличительный пафос в каждом из произведений различен. В книге Радищева отражены проблемы современной российской политики, проводимой императрицей, критическое изображение которой он наиболее ярко представил в аллегорическом *Сне путешественника*. Крылов же создал сатирическое произведение в популярном в то время жанре политической утопии. Если он и следовал каким-либо предшествующим образцам, то ими можно считать, к примеру, «восточные повести», напечатанные в журналах Николая Новикова, или тот же *Золотой прут* Хераскова. Книга Радищева – это не сатирическое, а гневное политическое обличение.

В начале произведений и Хераскова, и Крылова, и Радищева дается описание великолепия и богатого убранства дворца. Приведем краткий, но весьма показательный отрывок из повести Крылова:

Внутреннее великолепие дворца поражало всякого, кто туда не входил...: **золото, жемчуг и каменья**... Там, на великолепных **пьедесталах**, блистали Каибовых предков **бюсты**, которые высокостью работы не уступали своим высоким

подлинникам. Внутренние комнаты его убраны **коврами**... редкой красоты и цены... **Зеркала** его хотя были по двенадцати аршин длиною,.. но не столько почитались редкими по своей величине, как по свойству, данному им некоторою волшебницею: зеркала сии имели дар показывать вещи в тысячу раз прекраснее, нежели они есть... (4, с. 596).

Крылов перечисляет традиционные для «восточной» повести предметы дворцового убранства – золото и драгоценности, бюсты, ковры, зеркала. Радищев же, создавая общий фон блеска золота и драгоценных металлов, акцентирует символы власти:

Место моего восседания было из чистого золота, и хитро исладенными драгими разного цвета камнями блистало лучезарно... Вокруг меня лежали **знаки**, власть мою изъявляющие. Здесь **меч** лежал на столпе, из серебра изваянном, на конх изображались морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода... Тут виден был **скипетр** мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого золота. На твердом коромысле возвешенные зрелися **весы**. В единой из чаш лежала книга с надписью *Закон милосердия*; в другой же книга с надписью *Закон совести* ... (5, с. 23–24).

В *Сне путешественника* внимание сосредотачивается не на изображении богатства и изобилия шаха, и даже не на драгоценных аксессуарах власти, а на деяниях монарха, символизируемых этими предметами. Детали дворцовой атрибутики не воспринимались отвлеченно-аллегорически, поскольку представляли конкретное описание Зала общего собрания Правительствующего Сената. Из всех заслуг императрицы истинными были лишь военные, обозначенные мечом: при Екатерине II территория Российской империи значительно расширилась благодаря завоеванию южных (Крым) и западных (Украина, Польша) земель.

Золотой сноп с обильными колосьями оказался иллюзорным символом крестьянского благополучия подобно потемкинским деревням, как эфемерной была и идея монархини о справедливом законодательстве. Попытка созыва комиссии по составлению Нового Уложения потерпела провал. Радищев не случайно изобразил все приписываемые императрице заслуги в скульптурных символах, то есть, застывших, окаменевших, мертвых. В одной из глав книги он открыто высказался, что *крестьянин в законе мертв*.

Изображение мнимых достоинств «просвещенного» монарха в повестях Хераскова и Крылова абстрагировано, Радищев же конкретно разоблачал иллюзорный авторитет «просвещенного» правления российской императрицы.

Автор *Каиба* при описании дворцовой роскоши употребил художественный прием «двойного зеркального отображения». Заглавный герой прекрасно знал волшебное свойство зеркал и использовал их, забавы ради, *видя, как отвратительнейшие лица перед своими зеркалами спорят о своей красоте*... (4, с. 596–597). Этот прием в *Сне путешественника* Радищев возводит в ранг доминантного сюжетного, идейного и композиционного принципа.

Книге Радищева предпослан эпиграф: *Чудище обло, озорно, огромно, стозвонно и лаяй*. Эта строчка взята автором из 18 песни поэмы Василия Тредиаковского *Тилемахида* в слегка перефразированном варианте.

Телемак, сын Одиссея, спускается в ад и видит там мучения злых царей. В наказание царям приносят два зеркала: зеркало Лести и зеркало Истины. В первом они видят себя такими, как их при жизни изображали придворные льстецы; во втором – какими они были на самом деле: страшнее и ужаснее, чем трёхглавый пёс Цербер и стоголовая Лернейская гидра. В радищевском варианте оба чудовища объединены в одно. Аллегория этого страшного чудовища – российское самодержавие. Так главная тема книги названа уже на титульном листе, в эпиграфе.

Антиномия «двух зеркал» использована далее писателем в *Сне путешественника*, хотя сам прием скрыт в подтексте, ключом к которому является эпиграф.

Волшебница-целительница, которая представилась Истиной-Прямовзорой, не побоялась честно сказать шаху о его слепоте, сняла бельма с глаз правителя, и он увидел всё в истинном свете:

Одежды мои, столь блестящие, казались замараны кровью и омочены слезами. На перстах моих виделись мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине... Знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлого раболепия... Обширные земли и многочисленные народы изрождались из кисти сих новых путешественников... Вместо того чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердным я прослыл обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом... (5, с. 29–30).

В трех анализируемых произведениях «прозревшие» государи представлены как жертвы, доверившиеся своим приближенным.

Используя приемы сатирического изображения монархической власти, Крылов показывает придворную жизнь в пародийной манере. Подобным способом описывается государственный совет – «диван».

Возглавляет «диван» человек больших достоинств Дурсан, который *служит отечеству бороною*, и в этом его главное *достоинство* (4, с. 600). Он является прилежным сторонником самых жестких мер реализации мифического государственного закона. Чтобы добиться от народа исполнения любого указа, следует, по его мнению, только лишь повесить первую дюжину любопытных.

Другой советник халифа, представленный *потомком Магомета и верным мусульманином* – Ослашид – с удовольствием рассуждает о власти и о законе, не понимая и не стремясь осмыслить их истинного назначения. Он, не *исследывая своих прав, старался только ими пользоваться* (4, с. 601). Мнение Ослашида о жизни в государстве зиждется на религиозной догме: воля правителя приравнивается к праву самого Магомета, для «рабства» коему создан весь мир.

Еще один важный представитель «дивана» – Грабилей – преуспевает, потому что научился *обнимать ласково того, кого хотел удавить; плакать о тех несчастиях, коим сам был причиною; умел кстати злословить тех, коих никогда не видал; приписывать тому добродетели, в ком видел одни пороки* (4, с. 602).

«Диван», чье прямое назначение непосредственно осуществлять власть в государстве, преследует лишь эгоистические цели; его самые «авторитетные» представители жестоки, глупы, лицемерны и корыстны.

Аналогично описание придворной свиты в *Сне путешественника* Радищевым – те же лесть и лицемерие:

При улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся: радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталось косога вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать:

– Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки...

Иной вполголоса говорил:

– Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе.

Другой восклицал:

– Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и искусства...

Юношество, с восторгом руки на небо простирая, рекло:

– Он милосерд, правдив, закон его для всех равен... Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный... он вольность дарует всем (5, с. 25).

Херасков и Крылов изображали «диван» в сугубо пародийной манере, Радищев использовал аллегорию. В хвалебных тирадах придворных подхалимов узнаваемы некоторые реальные, но в большинстве случаев только сулимые предприятия и действия российской императрицы Екатерины, прославленные придворными одописцами-славословами. На новом витке сюжетного развития Радищев еще раз развенчивает мнимые заслуги, приписываемые Екатерине: роспуск Уложенной комиссии, беспощадную цензуру при либеральном обещании бесцензурной критики. Что же касается лозунга о *расширении пределов отечества и покорении тысяч разных народов своей державе* критическая точка зрения писателя, высказанная окказионально, в подтекстовом намеке, впоследствии открыто прозвучит в ироническом стихотворении Алексея Толстого:

«Madame, при вас на диво

Порядок расцветёт, –

Писали ей учтиво

Вольтер и Дидерот, –

Лишь надобно народу,

Которому вы мать,

Скорее дать свободу,

Скорей свободу дать».

«Messieurs, – им возразила
Она. – Vous me comblez,
И тот час прикрепил
Украинцев к земле (курсив наш – А.Ш., Ф.К.) [6]

Какой же результат ситуации прозрения монархов заключает сюжеты в исследуемых произведениях?

Главный герой восточной повести Хераскова воспринимается как заблудившийся правдоискатель. Автор завершает своё повествование интенцией: *А вскоре он стал Великим Философом...* [2, 260]. Многозначие в конце повести весьма значимо.

Крылов закончил повествование идиллически: к праведной жизни калифа возродила любовь к бедной девушке Роксане, которую он возвел *на свой трон, и супруги были столь верны и столь много любили друг друга, что в нынешнем веке почли бы их сумасшедшими и стали бы на них указывать пальцами* (4, с. 609). Автор повести перевел критику в бытовую ситуацию. Только намек на давнюю историю в некой восточной стране, а также невозможность подобной счастливой развязки в *нынешнем веке* позволяет предположить о недвусмысленности отношения Крылова к современным политическим условиям в Российской «просвещенной» империи. Однако какой-либо позитивной государственной программы Крылов не предлагает, он обличает, с одной стороны, самодержавие, а с другой стороны, ограниченность просветительской общественно-политической мысли [7, с. 311].

Радищев изобразил искренний гнев прозревшего монарха:

Недостойные преступники, злодеи! вешайте, почто во зло употребили доверенность господя вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепечите в окаменелости злодеяния вашего (5, с. 31),

и ... разбудил своего героя-путешественника, который, очнувшись от сна, в реальности понял, что виденная им история – просто сновидение:

Властитель мира, если читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается (5, с. 31).

Пробуждением путешественника Радищев отринул все иллюзии о справедливом, «просвещенном» правлении в условиях абсолютизма. В главе *Тверь*, включающем оду *Вольность*, он проповедует низвержение *стоглавой гидры* – самодержавного правления, на смену которого должна придти демократическая республика.

Использованная литература:

[1] Цит. по: Державин, К. (1946): Вольтер: Москва.

- [2] Херасков, М. (1782): Золотой прут. Восточная повесть: Москва.
- [3] Цит. по: Бегунов Ю.К. (1983): «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева: Москва.
- [4] Крылов, И. (1970): Каиб. Восточная повесть. W: Русская литература XVIII века: Ленинград.
- [5] Радищев, А. (1984): Путешествие из Петербурга в Москву: Ленинград.
- [6] Русская классика /http // ruroem.ru/tolstoj/poslushajte-rebulata-ch
- [7] Кубачева В.Н. (1962): «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века. W: XVIII век. Сб. 5.: Москва; Ленинград.